

DOI 10.35775/PSI.2025.125.8.016

УДК 32.327

С.В. ШИТЬКОВ

кандидат юридических наук,
И.о. Ректора Дипломатической академии МИД России,
Проректор по правовым вопросам МГИМО МИД России,
Россия, г. Москва

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЦИФРОВОЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ

В статье рассматривается эволюция теории международных отношений, получившая название «практического поворота», и ее применение к изучению российской политики цифрового суверенитета. Практический поворот предполагает, что международная реальность создается не абстрактными структурами, а совокупностью рутинных практик, выполняемых людьми и институтами. На основе перевода и анализа ключевых работ по практическому повороту, а также изучения российской нормативной и инфраструктурной политики в сфере цифровых технологий, автор предлагает комплексное объяснение того, как через повседневные практики формируется поле цифрового суверенитета. Рассматриваются основные концепты (практика, габитус, поле, капитал), методологические подходы (наблюдение, интервью, дискурсивный анализ), нормативные документы РФ, развитие национальных цифровых платформ («Гостех», «Гособлако»), законодательные инициативы (5; 6; 7), а также внешнеполитические усилия России на площадках ООН и ЕАЭС. В сравнительной перспективе анализируются модели цифрового суверенитета в США, ЕС, Китае и Индии, что позволяет выделить типологию «жестких», «нормативных» и «прагматичных» подходов. Статья показывает, что российский случай представляет собой гибрид: государство стремится к инфраструктурной автономии и правовому контролю, при этом пытается избежать полной изоляции от глобальной сети и развивая региональные и многосторонние механизмы совместимости.

Ключевые слова: ТМО, цифровой суверенитет, практический поворот, международная интеграция, цифровизация, суверенитет, «Гостех», «Гособлако».

В последние десятилетия исследователи международных отношений все чаще обращаются к «практическому» измерению глобальной политики. Так называемый практический поворот (practice turn) основан на предположении, что международный порядок поддерживается и трансформируется не абстрактными структурами, а совокупностью регулярных, воплощенных практик – действий, которые люди и организации выполняют в условиях определенных социальных ожиданий. Такие практики включают рутинные формы взаимодействия дипломатов, стандартные процедуры в международных организациях,

неформальные ритуалы на переговорах, а также телесные и материальные аспекты, которые невозможно понять только через анализ текстов и идей. И хотя практический поворот не создает единую теорию, он предлагает набор понятий и методов, позволяющих по-новому взглянуть на знакомые феномены мировой политики.

Одним из наиболее актуальных полей применения практического поворота стала сфера цифрового суверенитета. Россия в течение последнего десятилетия активно продвигает идею, что государство должно контролировать свой национальный сегмент интернета, защищать данные граждан и обеспечивать независимость критической информационной инфраструктуры. Эти усилия включают принятие законов об обязательной локализации данных и фильтрации трафика, создание национальных платформ управления информационными системами, развитие облачных центров обработки данных и участие в международных дебатах о безопасности и праве государств регулировать сеть. Российский опыт обогащает теорию практик: он показывает, как декларируемые идеи суверенитета воплощаются через конкретные административные и технические действия, как они формируют новые поля власти и как соприкасаются с глобальными тенденциями.

Целью настоящей работы является двойная задача. Во-первых, представить основные концепты практической теории международных отношений в контексте новейших публикаций и обсудить их методологические следствия. Во-вторых, применить эти концепты к анализу политики цифрового суверенитета в России, рассматривая ее как систему репродуцируемых практик на пересечении политики, права, экономики и инфраструктуры. Для решения этих задач мы опираемся на обобщение работы «The Practice Turn in International Relations Theory» (2017), на труды Адлера, Пулио, Бурдые, Бюгера и других, а также на российские нормативные акты и публичные документы, регулирующие цифровую сферу.

Теоретические основы практического поворота. В ядре практического поворота лежит понятие практики как социально значимого образца действий, который, будучи многократно воспроизводим, сочетает поведение индивида, значение действия и его социальный контекст. Практика – это не разовая активность, а устойчивая, структурированная последовательность действий, опирающаяся на неявные знания и определяющая, какие телесные движения, материалы и символы используются. Адлер и Пулио предлагают различать поведение (движение тела, например сидение), действие (интерпретированное поведение с целью, например, сидеть и проверять паспорт) и практику (регулярное исполнение данного действия, например пограничный контроль в аэропорту). Таким образом, практики формируют каркас социальной реальности, задавая шаблоны, которые позволяют актерам действовать без постоянного осознанного выбора [1. 1-36; 3; 7. Р. 627-651].

Практики обладают тремя ключевыми характеристиками: они воплощены (embodied), разделяемы и шаблонны. Воплощенность означает, что практика

не может существовать без телесной активности и материального окружения. Разделенность подчеркивает, что практики принадлежат не отдельным индивидам, а коллективам: они усваиваются через социализацию, подражание и включение в повседневную жизнь. Наконец, шаблонность указывает на повторяемость и воспроизводимость – практика не существует в форме уникального события, она предполагает устойчивый набор правил и ожиданий, благодаря которым индивиды узнают правильные способы действия [1. 1-36; 3; 7. P. 627-651].

Российский цифровой суверенитет как поле практики. Политика цифрового суверенитета в России опирается на серию стратегических документов и законов, принятых в 2010-е и 2020-е годы. Важнейшим шагом стала Доктрина информационной безопасности 2016 года (1), которая обозначила цифровой суверенитет как часть национальной безопасности и призвала к снижению зависимости от иностранных технологий. В 2021 году Стратегия национальной безопасности (4) уточнила эту задачу, выделив защиту критической информационной инфраструктуры, локализацию данных, развитие отечественного программного обеспечения и участие в международном регулировании в качестве приоритетов.

Закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры» (2017) (6) установил систему классификации объектов цифровой инфраструктуры, обязывая операторов обеспечивать их защиту и подключаться к государственной системе обнаружения и реагирования на киберугрозы (ГосСОПКА). Закон также подтолкнул к использованию отечественного программного обеспечения: с 2025 года ключевые операторы должны перейти на сертифицированные российские решения. Другой значимый акт – Закон № 90-ФЗ (2019) о «суверенном Рунете» (7). Он требует установки на сетях российских операторов устройств, позволяющих фильтровать и маршрутизировать трафик, а также создает национальную систему доменных имен и маршрутизации, способную функционировать автономно в случае отключения от глобального интернета. Этот закон обеспечил техническую базу для блокировки и замедления иностранных сервисов, а также для сохранения связи между российскими сетями при внешних угрозах.

Особое внимание уделено защите персональных данных. Поправки к закону «О персональных данных» (8; 9) в 2014 году ввели требование хранить данные российских граждан на территории страны, что фактически обязало международные платформы размещать серверы в России. В 2016 году на основании этой нормы был заблокирован LinkedIn, что продемонстрировало серьезность намерений государства (8; 9). «Пакет Яровой» (2016) (8; 9) обязал операторов связи и интернет-сервисы хранить данные о трафике пользователей и предоставлять ключи шифрования спецслужбам. В совокупности эти нормы формируют практику локализации и централизованного контроля за данными.

В сфере искусственного интеллекта Указ № 490 (2019) (5) утвердил национальную стратегию развития ИИ, нацеливая на создание отечественной элементной базы, поддержку отечественных разработчиков и регулирование ИИ с учетом этических норм. Россия разработала собственные стандарты ГОСТ для систем ИИ,

а Кодекс этики ИИ (2021) (5) определил принципы прозрачности, ответственности и защиты прав человека. Политика в области ИИ демонстрирует стремление к суверенизации и в этой быстро развивающейся сфере, при этом выбирается мягкий регуляторный подход по сравнению с европейским AI Act.

В рамках инфраструктурной политики Россия создает единые платформы для государственных услуг и управления данными. Проект «Гостех», запущенный в 2021 году, предусматривает переход федеральных и региональных органов власти на унифицированную отечественную платформу. Уже в 2022 году он был переведен на российское оборудование и программное обеспечение, что обеспечило его соответствие требованиям безопасности и суверенитета. Наряду с ним развивается «Гособлако» – сеть дата-центров, обеспечивающая размещение и обслуживание информационных систем на территории страны. Эти проекты формируют суверенную облачную экосистему, которая снижает зависимость от внешних провайдеров, унифицирует стандарты и упрощает внедрение новых сервисов. Россия рассчитывает, что со временем такая модель сможет стать экспортным продуктом и элементом цифровой дипломатии.

После 2014 года в России была запущена масштабная программа импортозамещения. Государство стимулировало переход на отечественные операционные системы, базы данных и оборудование, ввело преференции для российских поставщиков и запретило закупки иностранных аналогов, если существуют российские. Это дало импульс развитию продуктов вроде Astra Linux, «МойОфис», локальных СУБД и фабрик микропроцессоров. Вместе с тем переход сопровождался ростом затрат и ограничением выбора: многие организации испытывают сложности в миграции и пытаются обходить запреты. Подобная двойственность отражает поле цифрового суверенитета: регуляторы и госкорпорации стремятся закрепить выгодные правила, тогда как частный бизнес и пользователи адаптируются или сопротивляются, нередко апеллируя к дискурсу безопасности и патриотизма.

Российская политика не ограничивается внутренними мерами; важным направлением является продвижение концепции цифрового суверенитета на международной арене. Начиная с 1990-х годов Россия вносит в Генассамблею ООН резолюции по международной информационной безопасности, призывая признать суверенитет государств в киберпространстве и разработать нормы ответственного поведения. В 2018 году по инициативе РФ была создана Открытая рабочая группа ООН по вопросам ИКТ, в рамках которой обсуждаются нормы невмешательства, запрета атак на критическую инфраструктуру и принципов доверия. Российская дипломатия продвигает идеи создания глобальной конвенции по кибербезопасности и считает, что международное право должно распространяться на интернет так же, как и на физическое пространство.

Другим направлением является участие в разработке Глобального цифрового компакта – документа ООН, направленного на формирование общих принципов цифрового развития и управления. Россия выступает за включение в этот документ положения о верховенстве национальной юрисдикции и запрета

вмешательства в интернет-политику государств. Москва критикует Запад за использование дискурса прав человека для оправдания цифровых санкций и ограничения доступа к технологиям.

На региональном уровне Россия активно продвигает цифровую интеграцию в рамках Евразийского экономического союза. Программа «Цифровая повестка ЕАЭС-2025» предполагает создание интегрированных систем обмена данными, унификацию стандартов и совместных платформ. Реализуется проект системы прослеживаемости товаров, позволяющей отслеживать движение продукции по единому правилу. Формируется интегрированная информационная система ЕАЭС для обмена таможенными и финансовыми данными. Россия предлагает партнерам использовать ее платформы для государственных услуг, что укрепляет политическое влияние и экономические связи. Помимо ЕАЭС, аналогичные инициативы обсуждаются в рамках БРИКС и ШОС – организациях, где Россия и Китай пытаются сформировать альтернативный цифровой порядок, основанный на уважении суверенитета и невмешательстве.

Заключение. Практический поворот в теории международных отношений предлагает полезную оптику для анализа феномена цифрового суверенитета. Он обращает внимание на то, как идеи превращаются в практики и как эти практики создают новые поля власти. Российская политика в цифровой сфере демонстрирует, что суверенитет – это не только юридическое понятие, но и совокупность повторяющихся действий: принятия законов, установки фильтрующего оборудования, создания облачных платформ, проведения киберучений, продвижения норм на международных площадках. Через эти практики формируется поле цифрового суверенитета, где разные акторы – государственные органы, крупные корпорации, частные пользователи – борются за капитал и позиции.

Российский опыт показывает, что стремление к суверенизации может сочетаться с открытием новых возможностей. Инфраструктурные проекты «Гостех» и «Гособлако» позволяют не только защитить данные, но и улучшить сервисы, создать экспортный продукт. Участие в ЕАЭС и БРИКС создает пространство для совместимости суверенных систем, которое может стать альтернативой западным стандартам. Вместе с тем избыточный контроль чреват потерей инновационного потенциала: импортозамещение и блокировки могут снизить конкурентоспособность и стимулировать отток специалистов. С точки зрения практик это выражается в конфликте между доминирующими и подчиненными акторами: государство укрепляет символическое доминирование, апеллируя к безопасности, но частный сектор ищет способы обойти ограничения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- (1) Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 646 от 5 декабря 2016 г.).
- (2) Организация Объединённых Наций. Пакт ради будущего и Глобальный цифровойcompact (резолюция ГА ООН от 22 сентября 2024 г.).

- (3) Решение Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11 октября 2017 г. «О цифровой повестке ЕАЭС до 2025 года».
- (4) Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ № 400 от 2 июля 2021 г.).
- (5) Указ Президента Российской Федерации № 490 от 10 октября 2019 г. (в ред. 2023 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
- (6) Федеральный закон № 187-ФЗ от 26 июля 2017 г. «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».
- (7) Федеральный закон № 90-ФЗ от 1 мая 2019 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»» (о «суверенном Рунете»).
- (8) Федеральный закон № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» (в ред. 2014 г. и 2016 г.).
- (9) Федеральный закон № 374-ФЗ от 6 июля 2016 г. (так называемый «Пакет Яровой»).
- (10) Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act, USA, 2018).
- (11) Cybersecurity Law (CSL, PRC, 2017). Data Security Law (DSL, PRC, 2021).
- (12) Digital Personal Data Protection Act (DPDP Act, India, 2023).
- (13) General Data Protection Regulation (GDPR, EU, 2016/2018).
- (14) Personal Information Protection Law (PIPL, PRC, 2021).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Adler E. & Pouliot V.** International Practices. International Theory. 2011, 3(1).
2. **Bourdieu P.** Outline of a Theory of Practice. Cambridge University Press, 1977.
3. **Bueger C. & Gadinger F.** International Practice Theory: New Perspectives. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
4. **Hopf T.** The Logic of Habit in International Relations. European Journal of International Relations. 2010, 16(4).
5. **Kratochwil F.** Making Sense of «International Practices.» In E. Adler & V. Pouliot (Eds.), International Practices. Cambridge University Press, 2011.
6. **Leander A.** The Promises, Problems, and Potentials of a Bourdieu-Inspired Staging of International Relations. International Political Sociology. 2011, 5(3).
7. **Neumann I.B.** Returning Practice to the Linguistic Turn: The Case of Diplomacy. Millennium: Journal of International Studies. 2002, 31(3).
8. **Pouliot V.** The Logic of Practicality: A Theory of Practice of Security Communities. International Organization. 2008, 62(2).
9. **Pouliot V.** Methodology: Putting Practice Theory into Practice. In R. Adler-Nissen (Ed.), Bourdieu in International Relations. London: Routledge, 2012.

S.V. SHITKOV

Candidate of Juridical Sciences,
Acting Rector, Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vice Rector
for Legal Affairs, MGIMO University,
Moscow, Russia

PRACTICE TURN IN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY AND RUSSIA'S DIGITAL SOVEREIGNTY

This article examines the evolution of international relations theory, dubbed the «practice turn», and its application to the study of Russian digital sovereignty policy. The practice turn suggests that international reality is created not by abstract structures, but by a set of routine practices performed by people and institutions. Based on the translation and analysis of key works on the practice turn, as well as an examination of Russian normative and infrastructural policies in the field of digital technologies, the author offers a comprehensive explanation of how the field of digital sovereignty is shaped through everyday practices. This article examines key concepts (practice, habitus, field, capital), methodological approaches (observation, interviews, discourse analysis), Russian regulatory documents, the development of national digital platforms («Gostech», «Gosoblako»), legislative initiatives (Federal Law 187, Federal Law 90, Decree No. 490), and Russia's foreign policy efforts within the UN and the EAEU. A comparative analysis of digital sovereignty models in the US, EU, China, and India is provided, allowing for the identification of typologies of «hard», «normative», and «pragmatic» approaches. The article demonstrates that the Russian case represents a hybrid: the state strives for infrastructural autonomy and legal control, while also attempting to avoid complete isolation from the global network and developing regional and multilateral interoperability mechanisms.

Key words: TMO, digital sovereignty, practice turn, international integration, digitalization, sovereignty, «Gostech», «Gosoblako».